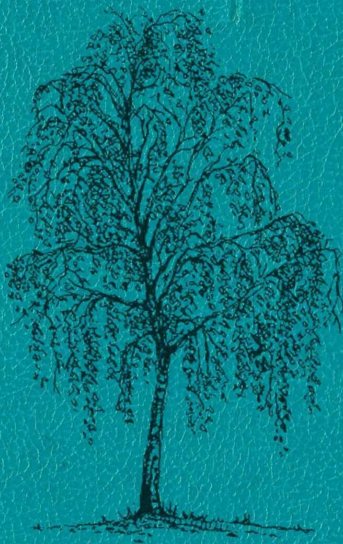

Мерцающие Берёзы

Книжка
Самый

Кшиштоф Смутный Мерцающие Берёзы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620418

SelfPub; 2022

Аннотация

История одного мистического романа или "Аллегория неудавшейся любви".

Содержание

Константин	4
Корпоратив	14
Свидание	19
Искренняя, чистая, безвозмездная	36
Сжигающая, калечащая, деструктивная	47

Кшиштоф Смутный Мерцающие Берёзы

Константин

Прохладный ветер спустился с одиноких горных вершин, пробрался сквозь сосновые леса, промчался через озаренные лунным светом луга, просвистал мимо берёзовых рощ и уткнулся в крышу деревянной усадьбы, располагавшейся на опушке одного из многочисленных, здешних хвойных лесов. Усадьба переживала не лучшие свои годы, но, тем не менее, резной деревянный фасад напоминал смотрящему о богатом прошлом, о былом величии сооружения воздвигнутого ещё во времена империи.

Ветер просочился внутрь, тем самым потревожил единственного обитателя исторической реликвии. Проснувшись посреди ночи, Костя со скрипом приоткрыл ящик комода, дабы взять плед. Он был невероятно раздражен, так как его покой нарушил холод и теперь придется засыпать заново. В Марте температура ночью опускалась до минус пяти – что слегка холоднее среднего показателя температуры для умеренного климата. Но отнюдь не суровая погода являлась виновником замерзания Кости.

Крыша его дома обветшала еще пару лет назад. Западный,

леденящий ветер дул с невероятной силой, оставляя за собой иней на внешней стороне кровли. Шифер потрескался в нескольких местах, рубероид под шифером размок, расползся и никак не помогал защититься от непогоды. «Щели были слишком незначительны, чтобы предпринять хоть какие-то меры, в конце концов, дождевая вода почти не затекает», – думал Костя. Но в отличие от влаги – ветер, вполне доставлял неудобства, пронизывая дом, забираясь в щели и воруя тепло.

Далеко не лень мешает заняться починкой крыши все эти годы, скорее рассудительность. Невыгодно вкладывать средства в починку старого, фамильного дома, гораздо разумней будет продать имеющийся, поднакопить и уехать из городка. Косте не хотелось проводить всю жизнь в маленьком, провинциальном городишке, образующим фактором которого является лесопилка. Мысли о переезде нередко спасали от обыденности, доставляли особую усладу. Особенно приятными были фантазии относительно нового дома. Представляя себе этот дом, с целой крышей, в неизвестном и притягательном городе, Костя почти было погрузился в сон. Предчувствие того, что будильник вот-вот зазвонит, заставило его взглянуть на часы. До пробуждения меньше двадцати минут. Быстро подорвавшись, Костя приступил к утренним «ритуалам».

По пути к автобусной остановке Костя вспомнил: «Сегодня нагрянет проверка с центра области. В большинстве слу-

чаев ничем хорошим это не заканчивается, тем более проверка – внеплановая».

– Посмотреть отчет с соответствием качества поставляемой древесины; дневник с выработкой ежемесячной нормы; проверить, все ли расписались под техникой безопасности, – шептал он себе под нос, по пути на работу. Благо, излишняя кропотливость позволила основательно подготовиться к возможным прихотям со стороны проверяющих. Придя в свой кабинет и взявшись за проверку документации, Костю не покидало странное чувство, природа которого заключалась в излишней тишине вокруг. Обычно по коридору носятся рабочие и секретари, а первых было слышно и этажом ниже. Что-то явно не так, не так как привычно.

Костя работает со своим коллегой и другом – Олегом. Олег же был своеобразным человеком, мягко говоря. У него были массивные, жилистые плечи и предплечья; его рост был далеко ниже среднего; и вдобавок к такой нетривиальной комбинации – пивной живот, который при ходьбе напоминал едва застывший холодец. Олег унаследовал слабый волосяной покров, о чём говорит его лысина в тридцать, но также, он имел самые пышные усы из всех, что доводилось видеть. Он был добрейшим человеком, но не щадил своей настырной, порой казалось, вымученной добротой никого.

Приоткрыв дверь и заглянув в коридор, Костя не обнаружил там никого, кроме опаздывающего Олега:

– Доброе утро!

– Привет, слушай, а бухгалтеры заметили, что я опоздал?

– Нет, я никого кроме тебя еще не встретил, может все куда-то пошли в связи с проверкой? Я позвоню Диане Андреевне и спрошу у нее: где все?

– Да, набери. Только не ляпни ей, что я опоздал, мне же премии не дадут.

Костя достал телефон и принялся искать контакты начальницы, но оклик Олега его остановил:

– Посмотри в окно! Все выстроились на улице, отчитывают наших что ли?

– Пойдем, спустимся и мы тогда.

– Нее! Они уже в процессе. Если бы хотели, чтобы мы пришли – предупредили. И как ты себе это представляешь? Посреди речи делегации ввалимся?

– Согласен, некрасиво. Но может мы...

Дверь кабинета открывается и в комнату заходит бухгалтер с кабинета напротив:

– Доброе утро! А вы чего тут сидите? – произнесла она со скромной улыбкой.

– А мы не в курсе, что нужно было во дворе собраться. И вообще, что там такое? – спросил Костя.

– В пятницу всех предупредили ещё. Кого-то награждают, кому-то повышают премию, а всё потому, что начальство наше вышло на богатейших покупателей за границей. Они столько кубометров синей берёзы заказали – сколько мы за этот год не произвели.

– А мне премию повысили? – спросил Олег.

– Кто это стоит рядом с Дианой Андреевной? – параллельно спросил Костя, смотря в окно.

– Это наш новенький, приехал сюда по распределению, ещё двое студентиков кроме него. Делегация велела расширять предприятие. А... Кстати, вам Диана Андреевна не говорила ещё?

– Говорила что? – спросил Олег.

– По такому поводу завтра всем «штабом» идём гулять в «Черешню». Там ещё с лесхоза люди будут. Но в основном наши все!

Костя не был в восторге от такого предложения. Его свободное время было оккупировано чтением, просмотром документальных фильмов о природе и томными раздумьями о причине его безнадежной тоски. Людные места обходились им стороной, тем более мероприятия по типу этого вызывали дискомфорт. И что может быть скучнее, чем вялая попойка с клерками, которые ни о чём интереснее намеренно вызывающих ток-шоу говорить не в состоянии. Можно сказать, что Константин не отождествлял себя с сотрудниками лесопилки, скорее, рассматривал эту работу как вынужденное пристанище.

– Я завтра не смогу, мне нужно крышу чинить, – сказал Константин.

– Так у тебя же материалов нету! И сам же говорил, что ничего серьезного, подождет твоя крыша денёк. Не выдумывай!

вай, я за тобой заеду. Оттянемся, выпьем! – сказал Олег, положив руку на плечо при этом задумчиво глядя в глаза.

– Слушай... я бы... – сказал несвойственно высоким голосом Костя

– Вот только давай не надо! Когда мы в последний раз сидели и говорили за бутылочкой по душам? – возразил Олег.

– На прошлой неделе, – ответил Костя.

– Завтра выходные начинаются, а ты так и просидишь. Я за четыре года, что тебя знаю – могу сказать точно – крышу ты завтра делать не будешь. Сам говорил, что продашь дом, в конце концов, помогу я тебе с крышей, после гулянки, в воскресенье.

Упираться было бессмысленно. Приняв всю неизбежность корпоратива, Костя произнес:

– В полвосьмого.

– О! Совсем другое дело!

Тем временем собрание на улице закончилось, и сотрудники возвращались в офис. Костя же переживал по поводу грядущего корпоратива: «Мне не стоит много выпивать, а то будет как в тот раз. А что, если завтра вообще отказаться от алкоголя... Зная Олега и его назойливый характер – весь вечер будет склонять меня к пьянке».

Рабочий день подошел к концу, Костя же шел к автобусной остановке и размышлял о перспективах завтрашнего дня. Не то чтобы корпоратив являлся дико перспективным мероприятием, скорее сказался тот факт, что Костя уже

давненько никуда не выходил и посему такое незначительное событие сильно его взволновало. Единственное место, которое он любил посещать в свободное время – кинотеатр. Но тот был временно закрыт из-за нерентабельности в городе с населением в семь тысяч человек, из которых, судя по всему, совсем не было любителей кино. Немногочисленные места собиравшие молодых людей этого города – пара, тройка баров. Так же было место называемое «Колизей», которое представляло собой недостроенный заброшенный стадион, поросший молодыми березками и травой. Все маргиналы, пьяницы и прочие сливки провинциального общества ошивались там; по ночам они разводили кострище и надрывали глотки, в надежде произвести впечатление на очередную «малую» своими навыками пения под аккомпанемент из «трёх блатных».

Проблемы с алкоголем – пройденный этап, в провинции-то. Посему неудачный алкогольный опыт и нелюбовь к большому скоплению людей сформировали своеобразный, скудный, по мнению Кости досуг. Последние его друзья покинули городок по работе, либо же в поисках лучшей. Тут уж как говориться – многого себе не позволишь. Но также было одно занятие, которое он искренне любил – рыбалка с Олегом и Петром из водоснабжения, на старенькой моторной лодке, раз в две недели, либо же реже. Рыбалка была ему по душе, была единственным занятием державшим его на плаву. Костя не отчаивался от столь простого времяпре-

провождения, всегда под боком были грёзы – новый дом в безымянном городе выдуманной страны.

– Сколь сладок выдуманный тобою мир – столь шаток ты, шагая по реальности, – сказал себе Константин. Он обожал выражаться высокопарно и до потери пульса любил цитировать писателей пессимистов XX века, к сожалению, вслух этого делать не приходилось. Не выдавалось случая.

Придя с работы, Костя был поглощён бытовыми делами. Больше всего времени уходило на заготовку дров. Работая в лесопилке, он мог бы с лёгкостью заказать колотых дров по выгодной цене и, не тратить лишнее время на заготовку. Но каждая копейка на счету. Каждая копейка обернётся кирпичиком для его желанного, нового жилища.

Не смотря на Май на дворе, одну из двух печей приходилось периодически протапливать, дабы влага не размочила обои, а сырость окончательно не извела старую штукатурку. Чтобы управиться с требовательным, двухэтажным домом одному, приходилось тратить порядочное количество времени: «Чем я занят в мои двадцать два, мог бы сейчас гулять с друзьями, либо же сходить, наконец, на свидание, но нет, досматриваю разваливающийся, конченный сарай», – мимолетно подумал Костя, раскалывая бревно.

Касаемо детства Константина, стоит отметить – было оно не из лёгких, как и отрочество, и юность. Мать Кости ушла из семьи в далеком детстве. В связи с разводом, вскоре у отца семейства начало проявляться расстройство памяти, ко-

торое свойственно мужчинам рода Глемсом. К величайшему сожалению, связь с ближайшими родственниками безнадежно утеряна, после переезда из Дании. И естественно, никто не подозревал, о такой губительной, генетической особенности рода.

Дела были плохи. Маленький Костя и его отец Валентин жили вдвоем. Ребенок не мог понять, почему отец себя странно ведёт: молчит, спит, плачет. Несмотря на малый возраст, Костя учуял, что с отцом что-то не так. Однажды Валентин увидел предвыборную речь президента по телевизору и сказал: «Я его где-то видел, он похож на соседа». У них нет соседей, кругом лес. Вскоре ближайшие родственники семьи узнали о болезни. Валентин остался в усадьбе один, лишь мед работница составляла ему компанию своими вынужденными визитами, тем самым разбавляя стремительное забвение одинокого и оторванного от реальности человека. Костю забрала к себе бабушка, жили они до поры беззаботно. Константин преуспевал в учебе, и был невероятно самостоятельным для своего возраста. Уже в четырнадцать он напросился переехать в родительский дом. С тех пор Костя живет один; получив образование в местном, единственном колледже, Костю устроил знакомый семьи на лесопилке.

В одну из спокойных, летних ночей, накануне госпитализации, отец Кости ушел из дому, не сообщив никому. Никто его больше не видел. Тело найдено не было.

Закончив работу по дому, оставалось заварить кофе и

продолжить смотреть серию документальных фильмов о природе. Не досмотрев третий фильм о брюхоногих моллюсках, Костя уснул. Следующий день обещал быть напряженным, но с самого утра он ощущал прилив сил и невероятно позитивный настрой. Глядя рубашку, он насвистывал музыку своего любимого композитора – Александра Дуршлакова, чьи записи на виниле так любил когда-то слушать его отец.

Корпоратив

Вечерело. Собравшись, Костя подошел к зеркалу. Был он одет в бело-синюю рубашку в клетку, темно-синие брюки и чёрные лакированные туфли. Сам же он был высок, худощав, с русыми волосами и редкими для этих краёв серыми глазами. Его лицо имело грозные, острые черты, которые он пытался «скрыть» – стоя у зеркала, при этом корча гримасы. Стук в дверь. Костя спустился вниз:

– Доброго вечера! – сказал Олег.

– Доброго, знаешь, как я понял, что это ты?

– Как же?

– Если бы кто-то постучал в дверь ровно в полвосьмого – я бы подумал, что этот «кто-то» заплутал, – сказал Костя, пытаясь обвинить того в опоздании.

– Да не гунди ты! – усмехнулся Олег.

Сев в машину они направились в «Черешню». За окном автомобиля проносились берёзы, словно мерцающая, они одна за другой растворялись в полумраке. Косте на секунду показалось, что они едут прочь из городка, в столицу. Не успев ни о чем толком поговорить, ребята прибыли на место назначения, так как город объезжался меньше десяти минут. Зайдя в помещение, можно было наблюдать: барную стойку слева от входа; напротив входа, на потолке – светомузыку; танцпол по центру и четыре обеденных стола справа у стены. Людей

было подозрительно много, так как явка была не обязательной. Но были те, кто об этом не знал.

– Ты давай, устраивайся, а я схожу, принесу нам чего, – прокричал сквозь музыку Олег.

Костя же отметил для себя сумбурную обстановку и принялся искать знакомых людей, дабы завести диалог и не выглядеть нелепо со стороны, находясь одним на «вечеринке». Либо же стыдясь и не признавая свое одиночество, он боялся, что кто-то разглядит его в нём. Его коллеги разбились по группам: рабочие – у бара, секретари, начальники и бухгалтеры – сидели за столом, кто-то курил на улице, а самые «заработавшиеся» из вышеперечисленных уже отдыхали на танцплощадке под поп музыку ранних нулевых. Его взгляд метался от компании к компании в надежде найти знакомые лица, но, увы и ах, работники с этажа Кости, вероятно, еще не прибыли в клуб. Нервно проведя большим пальцем по брови, Константин направился к выходу, чтобы перекурить, тем самым избежать неловкой ситуации. Но выход ему перекрыла девушка, едва прибывшая с Дианой Андреевной и еще несколькими работниками с этажа Кости. Девушка стояла лицом к выходу и беседовала с начальницей, при этом загораживая проход.

– Извините, можно пройти? – прокричал сквозь музыку Костя. Реакции не последовало, ласковый май играл слишком громко.

– Можно я пройду? – прокричал он ещё раз. Не получив

реакции снова, Костя положил руку ей на плечо, дабы обратить на себя внимание. Она обернулась и взглянула на него: её лицо, на котором смешались огни светомузыки – сияло, напоминая нежный блеск луны. На личике виднелась едва заметная улыбка, которая по непонятной причине казалась самой прелестной и искренней из всех подаренных Косте ранее в этот вечер. Её светло-карие глаза горели янтарём; длинные блондинистые волосы подобны лучам солнца, которые светили Константину прямо в сердце. Она ему приглянулась.

– Да? – спросила девушка.

– Я хочу пройти, – сказал Костя, указав рукой в сторону выхода.

– Ого... И ты здесь Костя! Давайте я вас познакомлю, – зашептала Диана Андреевна, – это Елизавета, наш новый сотрудник в отделе заготовки и сбыта. А это Константин, наш бухгалтер, работник по безопасности. Амбициозный юноша! – вульгарно громко добавила она, – ладно, в понедельник познакомитесь получше, кабинет Лизы – этажом ниже вашего с Олегом.

Лиза отошла и не загоразивала более проход. В этот момент со спины разнесся выкрик: “Костя! Давай сюда!” Обернувшись, он увидел Олега со своими друзьями подзывающих его к барной стойке. «Я очень рад знакомству», – сказал он, развернулся и бегом направился к бару. Рядом с Олегом сидели: Толя, Сергей и Максим – друзья Олега, рабочие на ле-

сопилке. Говорили они о машинах, подозвали же его, дабы внести ясность в спор – какая из названных моделей автомобилей лучше для покупки. Сергей накопил некоторые средства и решил приобрести себе машину. Костя не был экспертом в вопросах автопрома, так что на данный вопрос он ответил: «зависит от цены». Хотя подумал следующее: «Деньги следует вложить в миграцию, зачем тебе машина? Когда пешком пройти эту деревню – пять минут; паршивая инвестиция». На полученный ответ не последовало никакой реакции от Сергея, видимо тот не хотел раскрывать сумму бюджета. Оживленное обсуждение угасало. Воспользовавшись моментом, Костя спросил:

– А вы знаете, что-нибудь о Лизе?

– О какой Лизе? – ответил Олег.

– О новом работнике нашем, – сказал Костя, кивнув в её сторону.

– В первый раз её вижу, скорее всего, как и все сейчас – по распределению, отрабатывать. А чего ты так активно ей интересуешься? – ехидно спросил Олег.

– Три тысячи! – сказал Сергей

– Разве за три, ты нормальное чё купишь? – сказал Толя.

– Ваша водка, – сказал бармен.

Ребята выпивали и обсуждали машины, когда же корпоратив свернулся – двинулись в другой бар, все кроме Кости. Тот же сообщил, что ему наскучило, и пойти бы лучше домой, но на самом деле он искал лишний повод остаться и за-

говорить с ней. Сидя за барной стойкой, с полным стаканом, Константин поглядывал в её сторону в надежде ощутить на себе её взгляд. В этот вечер с ее лица не пропадала улыбка. Казалось бы – новая обстановка, новые, чужие люди, и при всем, при этом, выглядела она спокойной, располагающе-естественной. Не было ни намека на волнение, лишь одно сплошное очарование. Костя вспоминал запах ее духов, который ещё час назад он учуял впервые: терпкий запах цветов, постепенно теряющий свою резкость, приобретал весьма тонкий оттенок. Лиза начала прощаться со всеми и покинула стол, увидев это, Костя направился к выходу, желая проститься. Он прошел вперёд, стал недалеко от выхода и закурил. Услышав, что дверь открывается, он слегка поперхнулся, словно настраивал голос, таким образом обратил на себя внимание. «Не получится улизнуть, не поговорив со мной», – решил Костя. Со спины послышался голос: «Пока Костя, было приятно познакомиться».

– Пока, спокойной ночи, – ответил он. Лиза прошла мимо и направилась к машине Дианы Андреевны. Позже вышла и она сама, завела автомобиль, и они умчались. Костя стоял у входа и воспроизводил у себя в голове её голос. Тот же был высок, но мягок, интонация же в её речи – подобна бурной реке. Она уносила мысли иные прочь своим лихим течением, но не выливалась за берега. Костя находил её эмоциональную манеру речи весьма милой.

Свидание

На следующий день Костя оставил мысли о Лизе в дне прошедшем. Мало кто нравился ему столь же. Списал же он свою чрезмерную увлеченность на алкоголь. Но все же, время от времени её миловидное личико появлялась в его грёзах. От чего же прогонял столь желанные мысли он прочь? Свою роль сыграли предыдущие отношения. Возлюбленная Кости уехала в областную столицу на две недели – курсы повышения квалификации. Позже, через знакомых Олега из столицы, он узнал много интересных штрихов к личности его возлюбленной, а именно: склонность забывать о том, что ты в отношениях, когда любимый в другом городе.

Простить такое – предать себя, а для человека высоких моральных убеждений – это невозможно. Внутри поселился небольшой страх вновь быть бесцеремонно преданным. Быть преданным любимым человеком – всегда горько, особенно когда тот, не чувствовал ничего после «поймки с личным». Значит, все это время она ничего не чувствовала? Зачем тогда вот это всё? Но Константин не из слабого числа людей, жалость к себе упраздняется на корню. С месяцок себя пожалел и хватит, а то, что останется поднывать – я не услышу за шумом повседневности.

Рабочая неделя в самом разгаре. Непроизвольно пропускаешь обеденный перерыв, так как зарабатывать приходится

лось после расширения лесопилки всё чаще. Начался долгожданный обед. Сделав кофе, открыв контейнер с бутербродами, Костя слушает рассказ Олега о том, как тот продырявил корму своей лодки:

– Я перекулился в воду, всплываю, а моторка моя – ко дну идет. Ну, я и это, взялся за борт, давай тащить, а там люди на берегу были. Это... эти... как их... Саркаевы на рыбалку приехали. А я им такой кричу: Пацаны! Лодка тонет, помогите! И они давай...

Костя уже слышал эту историю, вчера. Но напоминать Олегу об этом не стал, ибо слишком тот был увлечен. Поэтому погрузился в волнующие его мысли: «Уже среда, а я её не видел. Какая у неё должность? Может, невзначай спуститься и взглянуть...»

– Я спущусь за бумагой, – сказал Костя и закрыв обеденный контейнер, встал со стула.

Помещение в котором находилась бумага располагалось на втором этаже. Бумаги в кабинете хватало, но Лиза работала как раз таки недалеко. Открыв дверь, ступив одной ногой в коридор, он увидел Лизу, стоящую у кулера:

– Здравствуй.

– Ой, – удивилась она, – Привет Костя! А у нас на этаже кулер сломался. Ты здесь работаешь? В 306?

– Да 306, а ты?

– Я в 205, – сказав это, она набрала в стаканчик чуточку воды и принялась по капле отпивать. Со стороны каза-

лось словно она мочит губы, либо целует пластиковый стаканчик. Ведь такие маленькие глотки можно делать только когда пьешь через силу. Косте показалось, что она тянет время в надежде продолжить разговор. Эта мысль привела его в восторг. Непроизвольно улыбнувшись, он сказал:

– Ты после университета сюда сразу, к нам?

– Да, отрабатывать пять лет нужно...

– А кажется, что сразу после школы, – с улыбкой произнёс он.

– Ой, спасибо, – рассмеялась Лиза.

Проговорив весь обед, они разошлись. Темы для разговора были самые, что ни на есть поверхностные, как и любые разговоры при первом знакомстве, пожалуй. Целью же таких разговоров, как правило, является предрасположение и выявление желаемых для тебя черт в собеседнике. Константин же отметил для себя в ней: чувство юмора, общительность и своеобразную лёгкость, которую вряд ли возможно как-то характеризовать. Вторая половина дня пронеслась молниеносно. Косте же не терпелось проверить кулер на втором этаже, так как его исправность говорила бы о многом. Осталось дожидаться пока начальство уйдет, рабочие первыми не уходят – так заведено. Переждав суматоху, он поспешил утолять жажду. Кулер оказался исправен, это не могло не радовать.

– Помнится, у нас на этаже сломался один, так его полгода чинили, я тогда приносил газировку с собой, – утешил себя Костя,

– она могла предположить, что я проверю, и тогда, выходит, это знак внимания.

Сегодня Костя намеренно пропустил автобус и решил пройтись пешком. Он чувствовал себя живее, чем когда-либо. Сегодня солнце особенно заботливо дарило свое тепло. Лучи пробивающиеся сквозь кроны деревьев не слепили, как обычно, а нежно расстилались по лицу, словно поглаживая. Лай собак нависший над частными домами не раздражал, а напоминал о буйстве и празднестве жизни. Ветер дул прямо в спину, подталкивая, будто подсказывая Косте: «путь выбран верный».

Дома же, после прогулки, всё, о чем он мог думать – её утонченное личико, чрезмерно экспрессивная мимика, привычка прятать руки за спину во время разговора, при этом медленно покачиваясь со стороны в сторону. Не смотря на глубокий страх быть преданным, он был готов позвать её на свидание, полностью забыв о том, что было до, хотелось думать лишь о том, что будет после. Мысли были полны ею, ни присесть, ни встать, не подумав о её изящно-худощавой фигуре, о её шумном голоске. Эти навязчивые мысли мешали выполнять простейшие действия. Трижды ходить на кухню за кофе, и трижды забыть его заварить – обычное поведение Кости в этот день. «Завтра я её позову», – сказал себе он, и мысли поутихли. Константин даже выбрал подходящий для свидания маршрут: вечером, вдоль березовой рощи, показать те самые мерцающие березы. «Уверен, она ещё

не глядела на эту красоту».

Утро следующего рабочего дня, Константин сам не свой. Вместо вдумчивого взгляда – взгляд душевный, может даже туповато-сахарный, словно у Олега, когда тот подопьёт. Благо такое состояние выветрилось в одночасье, при помощи следующих слов:

– А ты не подумал, что у неё там, есть парень? – спросил Олег.

– «Дурак», – сказал себе Костя, – как можно было об этом не подумать, в грёзах детей совместных воспитываем, а в реальности не знаю даже – свободна ли она. Нужно быстрее перестать тешить себя этими бреднями».

– Вроде как, никого у неё нет, – соврал Костя.

«Стоит разузнать; она работает с Ксюшей и Зинаидой Викторовной. Вряд ли старуха что-то знает, следует спросить у Ксюши».

– Олег, ты хорошо знаешь Ксюшу, можешь спросить невзначай у неё... насчёт Лизы...

– Как невзначай такое спросишь? Ну да ладно, помогу я тебе. Глядя на тебя, вспоминаю как за женой ухаживал. Она к слову не сразу меня разглядела... Так что Костян, всё будет окей!

– Я понял, понял. А теперь иди, спрашивай. Только чтобы Лиза не слышала.

Олег встал, направился к выходу, остановился в дверном проёме, ухмыльнулся, вышел, при этом закрыв за собою

дверь. Костя же терзал себя самыми плохими исходами и самыми подлыми сценариями из возможных. Не успев рассмотреть их все, голос Олега послышался в коридоре:

– Он парень что надо! Мы когда на шашлыки с ним ездили...

«Не может быть... Он решил действовать в лоб. Просто спросив у неё... от моего имени... Дегенерат», – удивился Костя и на секунду оцепенел.

Такой исход развития событий Константин также предполагал в эти несчастные пару минут ожидания. Он решил повести себя достойнейшим образом. В случае если у Лизы уже есть возлюбленный, Костя не будет отказываться от слов, а просто извиниться за подобное любопытство. Если же она одинока, то позовет её на свидание в тот же миг.

В кабинет заходит Олег:

– Всё нормас, нету у неё никого. Она кстати ждет тебя на коридоре, поговори с ней.

«Голос Олега слишком громкий, наверняка его слышно в коридоре. Не лучший момент для высказывания претензий относительно оказанной помощи».

– Славно, – сказал Костя, – я же сказал напрямую ей не говорить! – грозно прошептал он следом.

– Ну, так же она...

– Тшш... Ты можешь не так громко? Я пойду.

– Здравствуй Лиза, – произнес он, следом окаменев.

Оранжевый полуденный свет утопал в её прядях. Её свет-

ло-карие глаза имели частично зелёные каёмочки, они напоминали о некогда увиденном Костей опале. Безумно красивый камень, завораживающий. Стоит посмотреть разок и причудливая магия узоров заставит взглянуть тебя ещё и ещё. На её губах нанесена нежно-розовая помада, едва заметная. Черный, приталенный свитер выделял утонченные плечики, хрупкие предплечья, сразу захотелось приобнять её, дабы та не рассыпалась.

– Привет, Костя. Как поживаешь? – сказала Лиза с улыбкой.

– Да вот, думаю, как выходить из неловкой ситуации, – ответил тот.

– Пожалуй, для начала спрошу, что тебе наплёл Олег?

– Ничего такого, ты не волнуйся. Всего лишь то, что ты в меня по уши влюблен, – сказала Лиза, явно пытаясь смутить.

– Ну, в целом всё верно, только прямо чтобы по уши... Если серьезно, я бы хотел сходить на прогулку, вместе, когда выдастся вечерок. Конечно же, если у тебя нет парня. Чёрт, забыл спросить.

– Давай в пятницу, ближе к вечеру, – смущенно ответила она, её взгляд был направлен в потолок. Видимо не смогла заглянуть в глаза в столь накалённый момент.

– Тогда до встречи, и где же мы встретимся? Я могу зайти за тобой, только скажи куда, – с умилением произнёс он.

– Недалеко от моего дома есть деревянная церковь. Можем встретиться там.

– Эм... На первом свидании сразу под венец зовешь? Слегка настораживает, – съязвил он.

– Хмм, – произнесла она и следом рассмеялась, – я ещё плохо ориентируюсь по городу, не знаю местных ваших достопримечательностей.

– Тогда жду тебя в свадебном платье, в десять, возле церкви. До встречи.

– До встречи, – попрощалась Лиза.

«Надо было обнять её, на прощание, но момент упущен. Хотя может быть и к лучшему. А то, подумает что я нетерпеливый или супер настойчив. Как-то она слишком стеснительна для такой красавицы, непонятно... Духи конечно пахнут отменно, ландыш, ягоды какие-то, может даже роза», – раздумывал Костя.

День пронесся как минута, как минута в её обществе. Пришло время сна. Укрывшись пледом, Костя всё же был отвлечен от столь сладких ему мыслей. Отвлечен прохладным ветром, скользящим по комнате, просачивающимся сквозь брусчатый потолок. Не смотря на тепло внутреннее, Костю это озаботило.

– Следует срочно заняться ремонтом крыши, – пообещал себе он. Это вдруг стало важным. Можно сказать, что всё стало важным по магическому щелчку пальцев. Как волшебник материализует кролика из ничего, для нашей забавы, так и Лиза, своим появлением в его жизни наделила смыслом каждое его действие. Но мы же с вами знаем – кролик в ци-

линдре был всегда.

Настал день свидания. Предвкушая её общество, Костя достал из старого, дубового шкафа свой костюм. Рассмотрев его – раздосадовано повесил обратно. Пиджак был погрызен молью, и казалось, он впитал всю влагу из старого дуба; он выглядел словно мокрая, старая ветошь.

– Ну ничего, есть ещё жилет, – утешил себя он. Брюки же выглядели приемлемо, осталось лишь погладить.

Вечер рассыпался за окном – это значит время пришло. Взглянув напоследок в зеркало, он проронил фразу: «А я хорош!» В отражении можно было видеть статного юношу в белой, приталенной рубашке, чёрном жилете и брюках. Черты лица которого не казались такими уж и грозными как раньше, всё дело во взгляде. В этот раз он был умиротворён и нежен, он более не вопрошал, кажется, тот нашел что искал.

Место встречи находилось в минутах двадцати, вышел Костя заранее: «Неприлично заставлять ждать девушку, тем более стоит обустроить место свидания».

Тёплый ветер отчужденно рыскал меж сосновых ветвей, отдаленно освещаемых редко встречаемыми придорожными фонарями. По дороге не встретилось ни души, лишь смутный, тёплый свет окон давал знать, что все жители городка сидят по домам, со своей семьёй, распивают чай и смотрят в ящик, уютно устроившись на диване. Проходя мимо частных домов, слышался гулкий смех детей, редкий лай обеспокоенных Костиным присутствием собак. В воздухе стоял запах

ели, и кажись мёда, доносившийся из открытого окна придорожного дома. Костя прибыл в назначенное место, на часах без пятнадцати десять. Взгляд его устремился ввысь, остановившись на деревянном, массивном срубе церкви. Следом зацепился на небе, на котором уже виднелись редкие звезды, мерцающие в холодной синеве. Следующим перед взором предстал тусклый, рогатый месяц, который пленил своим видом и даровал мистическое, непонятное спокойствие смотрящему на него. Взгляд упал на горизонт: столб гордо держал линии электропередач; гравийная дорога усыпанная зеленью и изредка сиренью по бокам, стремительно скрывалась в темноте, укрываясь от желтого надзора фонарей. Из темноты дороги проглядывался силуэт:

– Кажись это она, – восторженно вглядывался Костя. Силуэт выбрался к ближайшему фонарю и подозрения подтвердились. Это была Лиза. – Но почему в платье? – удивился он, – Вечером достаточно прохладно, а ночью можно даже простудиться. Он смело отправился ей навстречу. – Жаль, нет пиджака, предложил бы его ей, когда похолодает.

– Привет, Лиза.

– Здравствуй, – радостно протянула она.

– Мне хотелось бы показать тебе одно место, пожалуй, самое красивое в этой дыре. Оно недалеко от места, где наша лесопилка заготавливает... знаю, как это звучит, но, поверь, там красиво. Видела ли ты мерцающие берёзы?

– Ага, разве что в интернете, – пошутила она, – почему

вдруг все богатеи помешались на этих берёзах, я не до конца понимаю, зачем всё это устроили здесь.

– Что ж, пойдём, по пути тебе расскажу, – Костя выставил локоть. Намёк был понят, Лиза взяла его под руку и они неспешно отправились, попутно болтая:

– Дело в том, что этот вид берёз изначально прорастал только в Сибири, и то, считался вымершим. Узнали мы об этом из некоторых наскальных рисунков сибирских язычников. Деревья считались священными и приносящими свет.

– Подожди, а здесь они как...

– Непонятно, они резко стали прорастать с тридцать лет назад, сами по себе. Чтобы наша беседа для тебя не казалась утомительной с этими всеми историями о язычниках, скажу о том, как современная наука говорит об этой берёзе. Связывает наука это с грибами, и человеком, в её волокнах есть человеческий ДНК, и ещё, это не береза, а что-то вроде гриба, который имитирует дерево, бредово, правда?

– Не то слово. Выглядит она словно залитая в эпоксидной смоле, мне казалось, что здесь есть место для обыкновенной спекуляции.

– Это бы многое объясняло, но боюсь мерцающие берёзы реальны; успеешь в этом убедиться через пару минут.

– А они и правда так светятся как на фотографиях? – восторженно спросила она.

– Ярче, и узор похож ни то на паутину, ни то на корни, сплетённые внутри прозрачного ствола. И этот узор посто-

янно подвижен. Сейчас берёза цветёт, это значит – светится ярче, чем в остальные времена года. Сейчас время её рубить. Вообще она круглый год стоит в белом цвете, словно в побелке, да и лысая совершенно.

– Поэтому на работе сейчас такой бардак? – спросила Лиза.

– Ага, по большому счету полтора месяца работаем, остальное время, пока она не цветёт, занимаемся обычной сосной и иногда дубом из Вейласка. Олег, с которым ты уже знакома, – усмехнулся Костя, – пропускает работу постоянно, ему бы с рук так и сошло, если бы тот не забыл период цветения берёзы и не пропускал хоть его; благо брат Олега хорошо знаком с основателями лесопилки, что позволяет тому не переживать по поводу рабочего места. Да что мы всё о работе, можно я спрошу тебя немного о себе?

– Конечно, только в нормах допустимого, – улыбнулась Лиза.

– Разве я произвожу впечатление пошляка? Скорее того, кто на первом свидании будет рассказывать про берёзы.

Лиза слегка толкнула Костю в плечо и сказала:

– Да брось, мне интересно. И что вообще с этим деревом делают?

– В основном мебель, иногда пол. Так же заказывают статуэтки, и всякие безделушки. Так, Лиза, как же ты к нам попала?

– У нас в вузе ваш городок считается хорошим местом для

обработки. А ты, Костя? Как здесь оказался?

– Я здесь родился и вырос.

– Ого, по тебе не скажешь, не выглядишь как...

– Как? По-твоему все в захолустьях расхаживают с вилами в руках и в дутых валенках?

– Нет, – ответила она, слегка толкнув его ещё раз, – просто порою достаточно взглянуть на человека, чтобы понять, что он из себя представляет.

– И что же, из себя, представляю я? – задумчиво спросил Костя.

Лиза посмотрела ему в глаза и с долей наигранной таинственности ответила:

– Непонятно...

– Да, я не так уж и прост, – надменно сказал Костя. Это её рассмешило.

Тем временем парочка подошла к развилке, правый её рукав вёл из города, левый же – сужался в тропинку близ берёз.

– Нам сюда.

Сумеречный лес – невероятно пугающее место. За спиной хрустит сухостой, ночные птицы прыгающие по ветвям произвольно заставляют обернуться. Лиза прижалась к нему ближе и спросила:

– Скоро?

– Ещё минутка, тебе страшно?

– Нет. Совсем темно, не мог бы ты посветить?

Костя достал телефон, включил фонарик и принялся

освещать тропинку.

– Так тебе спокойней?

– Весьма.

– Тебе не холодно? Платье очень тебя украшает, но мне кажется оно немного не по погоде.

– Я хотела его примерить уже очень давно, наконец-то выдался случай.

– То есть, ты хочешь сказать, что такая девушка, вроде тебя, давно не ходила на свидания? Либо же в клуб, или куда наши сверстники сейчас ходят накидаться... отдохнуть я имел в виду...

– Долго рассказывать.

– А ты в детали не вдавайся.

– Если вкратце: мой отец очень строг.

– А здесь хотелось бы подробностей.

– Когда я училась в школе, он отдубасил меня за то, что я задержалась на факультативе, хотя я пыталась объяснить, мол, была в школе, на английском. Я жила маршрутом – дом – школа – репетитор – дом. Позже, когда я поступила в университет, мне понравился парень с «потока», мы начали встречаться. Спустя неделю мой отец пришел к его родителям и сказал им, что напишет заявление за домогательство со стороны их сына и велел тому никогда не подходить ко мне. А мать моя, поощряет строгий, отцовский порядок в нашей семье, постоянно поддакивает.

– Ого! Странный дядька – твой папаша!

– Он военный, супер строгий, сверхчувствительный. Как он узнал о том, что я встречаюсь? – спросишь ты. Установил на телефон приложение для отображения моей геолокации, и себе такое же. Однажды я его удалила, он так взбесился, рвал и метал. Я месяц сидела дома, даже без школы.

– А.. тебе бы обратиться куда?!

– Он не такой уж и дьявол, он меня любит, бережёт. Но когда я подросла, мне перестало хватать свободы.

– Эй, теперь ты вольна делать всё, что пожелаешь! – приободрил Костя, слегка похлопав по плечу.

Ого! Красота... – сказала Лиза. Её взору приоткрылась низина, в которой холодным, синим мерцанием переливались верхушки цветущих берёз. Подойдя ближе, они лицезрели целую рощу. Свет напоминал лаволампу, в которой нежным, голубым цветом светились прозрачные, тонкие, беловатые наросты. Идущие друг другу навстречу, рассоединявшиеся, идущие навстречу вновь. Ствол деревьев был полностью прозрачен, казалось, словно смотришь на скульптуру из стекла.

– Невероятно, – воскликнула Лиза.

Костя снял свой жилет, и укрыл им её хрупкие плечи. К счастью, Костин жилет мог послужить ей целой курткой.

– Та дам! – торжественно сказал Костя, указав куда-то рукой. Посмотрев в указанную сторону, Лиза увидела небольшую деревянную беседку, на столике которой стояли две свечи в утонченных, гипсовых подсвечниках в виде ангелоч-

ков. Бутылка вина, два бокала и пицца.

– Ооо... Как мило, я тронута.

– Я не знал, какое вино ты предпочтешь, поэтому взял своё любимое – Облио.

– Я не разбираюсь особо в винах. Главное же, с кем ты его пьешь, а не какого оно качества, верно?

– Если качество – не критерий, можно с таким же успехом попивать компот.

– В приятной компании, я бы выпила и компот.

– За тебя, Елизавета, – Костя взял в руки бокал, дождался, пока также сделает Лиза. Символически приподнял и сделал большой, нервный глоток. Увидев это, она рассмеялась.

– Хотел тебя спросить, кулер на твоём этаже действительно сломался в тот день?

– Хм, я просто хотела зайти и посмотреть чем ты занят, стояла и придумывала повод зайти.

– Невероятно, я как раз таки вышел, так как хотел увидеть тебя. Спускался за бумагой.

Парочка обнялась, это тот самый момент, момент для поцелуя. Её личико с одной стороны отражало призрачное мерцание берёз, с другой, сияло от прикосновения с приглушенным светом свечи. Её светлые волосы ласково развивались от слабого ветерка, блуждающего здесь, ищущего умиротворения. Её большие, каре-зелёные глаза медленно начали закрываться. Судорожно облизав и затем выставив губы, Лиза дала знать – это тот момент. Костя не медлил ни секун-

ды. Подарив себе столь желанный каприз. Лиза резко «оторвала» поцелуй, положив свой подбородок на его плечо, при этом обняв руками его за спиной и прошептала:

– Обещай, что не пропадешь.

Костя не совсем понимал, в чем заключалось обещание, но вопросами портить момент не хотелось, тем более обеспокоенный голос говорил о том, что сказано это было искренне.

– Я не пропаду, и ты, обещай мне: одеться по погоде, в следующее наше свидание, – отшутился он.

Она улыбнулась и обняла его с новой силой, нежнее и крепче. Бутылка вина постепенно иссякала, ребята разговаривали о семье, делились планами на жизнь. Успели даже обсудить возможность существования инопланетной жизни и любимых писателей. Пожалуй, тема книг и писателей оказалась наиболее приятнейшей, не смотря на разницу во вкусах беседы о книгах имели наибольший отклик. Тем временем в лесу серьёзно холодало.

– Я думаю нам пора, – сказал Костя, – Пойдём, я тебя проведу. Только заберу подсвечники.

Парочка вышла из лесу, продолжая болтать. Проведя Лизу до дома, они поцеловались на прощание и разошлись.

Искренняя, чистая, безвозмездная

Каждый день после работы Костя дожидался её, дабы проводить до дома. Его печаливали встречи лишь на выходных, хотелось бы видятся чаще. Лиза же в свою очередь отвечала взаимностью и в случаях, когда Костя задерживался, она приходила к нему в кабинет и ждала своего доблестного провожающего.

Через две недели сезон цветения был окончен, выдавалось больше времени друг для друга. Лиза пригласила Константина в гости, но предупредила, о возможной неловкости в обстановке. Она снимала комнату в квартире, во второй комнате проживала престарелая хозяйка.

– Она не разрешает никого приводить, но сегодня её не будет, – сказала Лиза.

– Славно, увижу твои книги, и не дай бог это второсортные романы, в которых воплощены все фантазии женщин за сорок.

Придя домой Костя растопил печь, завёл бензокосу и принялся косить близ прилегающую к дому траву:

– Буквально неделя, и это придется делать снова, – подумал он, – сегодня я её увижу... – подумал он следом и с новыми силами закончил работу, – она рассказывала мне о том, что безумно любит ежевику, собираю для неё, благо здесь недалеко такая имеется, на месте покинутого сада.

Костя направился в заброшенный сад, расположение которого он примерно знал.

– До выхода два часа, я успею, – проворчал он себе под нос. Он взял с собой охотничий нож, плетёную корзину и направился в лес за домом. Окрестности сильно изменились, с тех пор как Костя был здесь в прошлый раз. По своей альтруистской натуре он склонен делать всё для других, для себя ежевики не очень-то и хочется, хотя варенье из неё отменное, и сахаренная ежевика ему нравится. Плюс ко всему – далеко идти, так что, ежевика была не в приоритете все это время. Тем временем над его головой нависли свинцовые облака, начал сочиться дождь:

– Грибной дождь мне не помеха, я узнаю эти места, ещё минут десять, – уверял себя он.

Ежевики было достаточно. Она выла крупной и буйной, что слегка настораживало, так как для такого урожая следовало ухаживать за кустами не вылезая из сада. Каждая ягода была размером с каштан, а может и с целую клубнику. Тем временем дождь перерос в ливень, до целой корзины оставалось ещё чуть-чуть. Но раздавшийся вдалеке гром убедил Костю – достаточно. Ливень склонял кусты и молодые ели до самой земли. Старые сосны, казалось повывавшие всё на своем веку, извивались и хрустели. Данная картина заставила Костю переключиться с шага на бег. Подбегая к дому он заметил, что входная дверь не прикрыта. Обеспокоенно протерев лицо от дождя, Костя достал охотничий нож. Тихонько

открыл входную дверь и прокричал:

– Кто здесь?

– Это я, Костя! – ответила Лиза.

Голос доносился из спальни на втором этаже.

– Лиза? Что ты тут делаешь? Я должен быть у тебя через сорок минут! – сказал он, поднимаясь по лестнице.

– Хозяйка никуда не свалила. Поэтому... Сюрприз!

– А как ты узнала, где я живу...

Поднявшись по лестнице, Костя заглянул в спальню. На кровати лежала и грелась промокшая насквозь Лиза, лишь в нижнем белье, верхняя одежда сушилась на печи. Печь была приоткрыта, мягкое пламя которой переливалось в волосах Лизы, танцевало на её мраморной коже. Ливень не спешил прекращаться, лишь дополнился более частыми раскатами грома. Костя решил поставить корзинку, но слишком засмотрелся на своё сокровище и рассыпал содержимое. Мелкими, глухими гроздьями рассыпались ягоды ежевики. Спелые, налитые, сладострастные.

– Мне Олег подсказал, где находится твой дом. Но ты ведь не сердись, за мой внезапный визит? – ответила она.

– Если бы ты только знала – как ты сейчас прекрасна, – сказал Костя.

– Нравится? – улыбнулась Лиза.

– Да, – ответил он.

– Глупый, я про бельё, как оно тебе? – возразила она.

– Да, – околдовано произнёс Костя.

– Тебе полотенце принести? – спросил Константин, подсев на кровать у её ног. Лишь взглянув друг на друга, в ту же секунду, весьма понятный импульс заставил предаться их страсти. Дождь не прекращался целый вечер и целую ночь, так же, как и их любовь в этот день. Они укрылись от дождя, и от всего мира в страстных объятиях друг друга.

Любой аспект друг в друге – гармонировал и взаимно перекликался нутром. Однажды Костя заметил на Лизином столе сборник сочинений Эдгара Алана, сопроводив своё замечание комплиментом. С тех пор каждый вечер один из них читает вслух его рассказы. Это стало своеобразным ритуалом. Когда же Эдгар Алан «закончился» – перешли на другие мистические романы и рассказы. Дома у Кости они танцевали под старую французскую музыку шестидесятых, найденную Костей на чердаке, когда тот разгребал его для дальнейшей починки. Голос француженки, бравый ритм, скрип старого пола и они – неуклюже кружащиеся, радующиеся ещё одному дню вместе.

Ближе к ночи они смотрели кино. Это были ужасы, научная фантастика, детективы и вестерны. Чаще всего выбор фильма оставался за Лизой, так как Костины фильмы не подходили для совместного просмотра – наводили тоску.

Во время очередного совместного просмотра кино внимание Лизы было приковано к картине, висящей напротив кровати:

– Костя, – протянула она, – меня пугает картина.

– Эта? Брось ты, – Костя включил свет в комнате, – посмотри! Она называется «Аллегория любви»; на ней женщина-арахнид признается в любви рыцарю, и естественно с помощью силы любви её тело преобразуется в человеческое. Сильная работа! Это Иван Уотэрдом написал.

– Красиво, но, её паучьи ноги меня немного смущают. Я арахнофоб, ты же знаешь. Не мог бы ты убрать её из спальни?

– Эх, ладно. Только давай досмотрим сначала, а потом унесу.

– Костя.

– Чего?

– Я тут подумала, если бы их любовь не удалась, и паучиха его съела... как бы тогда называлась картина?

– Очевидно же, – «Аллегория неудавшейся любви».

Фильм подходил к концу, тем временем Лиза впечатленная работой художника продолжала размышлять на этот счёт:

– Знаешь, о чём я сейчас подумала? В реальности паучиха обречена.

– О чём это ты?

– Я о том, что в реальной жизни «высокая любовь» такая редкость, что считай она вовсе невозможна. Эта «Арахна» обречена искать и так и не найти. Проще говоря – почти каждая любовь по-своему неудавшаяся.

– Интересно. Видишь, не так страшен паук, как его малю-

ют. Может, всё-таки оставим картину?

– Костя, нет! Если я посреди ночи проснусь и забуду про неё? Ты хочешь меня извести?

– Ладно, ладно. Уберу.

– Плюс ко всему, если тебе посчастливилось её отыскать, ты можешь её лишиться в любой момент. Ведь «высокая любовь» сколь прекрасна – столь хрупка; и ты должен её оберегать.

– Моя «высокая любовь» такая характерная и буйная, что мне приходится оберегать от неё окружающих, – договорив, Костя закрылся руками.

– Костя! – Лиза вскочила и начала бить его подушкой.

Вскоре они съехались. Костя так и не подчинил крышу, но материалы будут со дня на день. Следовало заменить: две несущие балки; шифер; утеплитель. Материалы обошлись Косте в половину сбережений, дотошно скопленных на свой идеальный дом. Мысли о переезде, либо о покупке нового дома, в другом городе, перестали его терзать. Всё что нужно для счастья – находиться в соседней комнате и жаловаться на холод. Посмотрев прогноз погоды, Костя понял – идеальное время для ремонта. Ни дождя, ни других погодных шалостей.

Дождавшись прибытия строительных материалов, Костя незамедлительно приступил к работе, взяв отпуск на время ремонта, чтобы не лазить по крыше в потёмках. Работы на неделю максимум, но Лиза убедила его взять совместный от-

пуск на две недели. Позавтракав, Костя включал музыку и возился на чердаке, либо же на подмостях у фасада. Лиза облюбовала здешний лесок, могла часами пропадать в нём. Она собирала цветы, по возвращению показывала фотографии открытых ею просторов. Вечерами, когда починкой заниматься было невозможно и прогуливаться по лесу тоже, они разжигали костёр, выносили из дома кресла и сидели на крыльце, бесконечно болтая за бутылочкой чего ни будь увеселительного. Порою ходили к знакомым с визитом, Костя не любитель напрашиваться в гости, но он опасался, что Лизе мало его общества. Он боялся, что Лиза заскучает, но подобные визиты пошли и ему на пользу. Страх быть одним на публике испарился, ещё бы, он уже не один. Парочка частенько заглядывала к Олегу и его жене, иногда к Диане Андреевне, пару раз бывала в гостях у подруги Лизы – Ксюши. Возвращаясь с очередных вечерних посиделок уставшая Лиза сказала:

– Костя, поднеси меня!

– Ещё чего, я сам устал.

– Я ходила сегодня собирать ежевику, там, где ты сказал, и не нашла! Ходила полчаса, не могла выбраться. Потом услышала, как ты разбил шифер и начал ругаться, успокоилась и пошла на твои причитания.

– Шифер был с дефектом, я лишь ускорил его неизбежную поломку.

– Костя, не смейся, я и так устала, – сказала она, сдерживая

ХОХОТ.

– Так не сезон её собирать, глупышка моя.

– Сам ты глупышка, дикая ежевика в августе растёт.

– Та была домашней, но одичала. Она плодоносит всего два месяца и то не всегда, мне повезло её застать. Залезай ко мне на спину, ежевичка. Лиза запрыгнула к нему на спину, при этом с её ступни соскочила туфля.

– Костя, я уже устроилась. Слазить не собираюсь.

– Я бы склонился и подал её тебе, но у меня на спине жук весом в миллиард, миллионов, тысяч, килограммов, тонн.

– А ты тогда секстиллион, триллион тысяч тонн и килограмм.

– Ты победила, ничего больше я не вспомню. Но если мы упадем – я не виноват.

Костя присел, подобрав туфлю. Бережно надел её. Лиза указала пальцем в сторону дома и сказала: – скачи туда!

– Так значит, – сказал Костя и с характерным для лошади звуком побежал вприпрыжку со всех ног.

– Костя я соскальзываю!

– Тут нет Кости, только быстрый Конь и его уставший ку-чер.

Утро следующего дня.

– Пойдем за грибами, соня! Отпуск закончится, а мы с тобой и грибной суп не попробуем, – причитает Лиза.

– Я не люблю грибы, – пробормотал Костя, прикрывшись одеялом.

– А я – люблю. Так что, у тебя двадцать минут. Иначе я пойду одна, совсем не зная значных мест. Вдруг со мною что приключится...

– Уже встаю. Что? Ты серьёзно? Девять утра... не терпится же тебе.

– Я решила – сегодня буду готовить только грибы. Твой завтрак остывает, между прочим, я старалась.

– Говорила же, только грибы. А на завтрак у нас что?

– Завтрак не считается, – сказала Лиза и ударила того подушкой.

Позавтракав и собравшись, парочка отправилась в лес. Изобилие грибов в лесу – аномальное. Никто не собирал здесь грибы на протяжении десятилетий. Те в свою очередь разрослись, да настолько, что с закрытыми глазами можно собрать себе лукошко, просто на просто, спотыкаясь о них.

– Лисички не клади, их достаточно!

– Костя, а ты не думал о том, куда мы поедем после моей отработки здесь?

– Мне казалось, тебе здесь нравится.

– Здесь классно, но всю жизнь находиться в одном месте... Тем более мы молоды.

– Я сам хотел поскорее отсюда свалить, пока...

– Пока не встретил меня?

– Так точно.

– Глупый, нам вдвоём везде будет спокойно. Главное, что мы есть друг у друга.

– Я подумываю посмотреть на Север, так холодно и безумно красиво.

– А я бы отправилась на юг. Холода не по мне. Мне нужен свет и солнышко.

– Стой! Не клади! Выбрось.

– Что такое?

– На грибе какие-то наросты.

– Я очищу, не переживай.

– Наросты поражают гриб изнутри, выбрось.

– Я присмотрела город на юге, так, на всякий случай. Я покажу фотографии, тебе понравится!

– Не люблю я жару, не люблю и пальмы. Устаешь от одной мысли о...

– Ты ещё даже не видел фотографии, а уже так категоричен.

– Главное что мы вдвоем, и неважно где.

– Солнце моё, ты прекрасно знаешь, что с тобою, я хоть на край света. Но южный климат... он губителен для меня. Я всё лето спасаюсь, как могу от вездесущего зноя. Как ты могла заметить дома стоят два вентилятора. Может, рассмотрим другие варианты позже и вместе, и вообще рановато об этом так серьёзно говорить, три года ещё можно думать.

Лиза слегка оторвалась от земли, она почувствовала неготовность Кости, неготовность меняться ради любимого человека. Это слегка раздосадовало её. Может немного инфантильно с её стороны, полагать, что он должен ставить её же-

дания превыше всего, но... разве ставить чьи-то интересы
превыше своих, разве...не это одно из образующих правил
любви?

Сжигающая, калечащая, деструктивная

Полдень следующего дня. Ремонт подходит к концу, осталось утеплить стыки и последний, западный фронто́н. С приятным ощущением окончания работ, Костя поставил стремянку, и принялся вырезать полотно утеплителя нужных размеров. Взяв его в одну руку, в другой был перфоратор, Костя взобрался на лестницу, неспешно примерил полотно. Попутно думая о Лизе, её вчерашний каприз осел в его памяти. Костя слышит небольшой металлический звон, посмотрев под ноги, понимает – это одна из гаек от железной стремянки. – «Высота небольшая, полтора метра». – Подумал он, всё же решив спуститься. Поставив ногу ступенькой пониже, лестница с грохотом обрушилась. Костя полетел вниз, знатно приложившись головой о деревянный брус. Удар был недетский, но Костя быстро поднялся, отряхнулся, и продолжил работу. Улаживая последнюю полосу утеплителя, Костя ощутил головную боль, которая явно не позволит завершить затеянное. Он спустился в спальню, подзвав Лизу, попросил её принести обезболивающее, лёг в кровать и, несмотря на пульсирующую боль, смог уснуть. На следующее утро от прежней боли остался лишь фантом в виде пульсации в затылке, при наклонении головы, либо же при рез-

ком повороте ею. Через день после падения боль вовсе исчезла.

Они более не возвращались к этому неприятному для обеих сторон разговору о переезде, казалось, был найден единственный порок, краеугольный, бескомпромиссный камень, до этого идеальный взаимоотношений. Всё вернулось на круги своя.

Прошел почти год. Берёзы цветут вновь. Кухня, первый этаж, обеденный стол. Костя не может припомнить, куда подевалась его зажигалка:

– Ты минуту назад держал её в руках.

– Разве? Я не выходил из дома, где-то часа два, как с работы пришел, значит и не курил. Как я мог держать её в руках?

– В брюках посмотри! Костя, откуда мне знать – где твоя зажигалка.

– Костя, когда пойдешь на улицу, спустить в погреб, возьми для меня грибочков.

– Можем свежих скоро насобирать, зачем тебе сейчас маринованные?

– Очень хочется мне. Быстрее давай, а то котлеты остынут.

Костя достал баночку грибов, принёс и обмыл её в раковине, открыл и выложил грибы в салатницу. Сев за стол, он ощутил небольшое покалывание в затылке. Лиза наложила себе грибы и принялась трапезничать. Костя заметил на одном из грибов знакомые белые споры. Следовало остере-

речь, предупредить, но неожиданно для себя осознал, что забыл слово означающее споры. Забыл все слова, проглотил язык. Головная боль стремительно разрасталась, от маленького очага пульсирующего зуда в затылке, до невыносимого жжения всей головной коры. Костя закричал.

Утро следующего дня. Проснувшись, он, как ни в чём небывало спустился вниз, поставил греться чайник. С крыльца донесся голос:

– Доброе утро, тебе лучше?

– Доброе утро, да... полагаю. Я не помню, что вчера случилось. Помню лишь головную боль.

– Ты закричал, держась за голову, за обеденным столом. Я так испугалась, думала скорую помощь вызвать. Но через минут двадцать, после того как ты прилёт, ты встал, спустился, сказал что тебе лучше. Заперся в гостиной и слушал музыку. Я звала тебя на ужин, но ты отказался. Мне показалось, что ты рыдал... в гостиной. Костя, тебе нужно сходить к врачу, тот ушиб сильно сказался на твоём здоровье.

– Невероятно, последнее, что я помню это как выходил на улицу зачем-то, в полдень. Запиши-ка меня к врачу, как можно скорее. Боюсь, эта боль может заглянуть ко мне снова. Такое жжение, от которого забываешь проглатывать слюну, забываешь, что дышишь.

– Солнце моё, – Лиза встала со стула, потянулась к нему на носочках и обняла.

– Я вспомнил. Вчера за обедом, на грибах в салатнице были споры, берёзовые. Ты кушала вчера грибы?

– Я заметила, выбросила половину.

– Нужно было все выбрасывать, всю банку. Споры прорастают внутрь, их можно не заметить с первого взгляда.

– Я много не ела, они горчили. Оставила в холодильнике. Сейчас выброшу оставшиеся.

– А почему ты на крыльце сидишь?

– Так захотелось на солнце посмотреть. Дома так мрачно и темно.

Костя повернул голову и посмотрел на прихожую и кухню. Свет озарял их насквозь. Большие окна не позволяли тени задержаться в доме ни на секунду.

– Ну ладно, – сказал он, пожав плечами.

Вечером этого же дня:

– Я записала тебя к врачу на вторник, раньше никак.

– Хорошо. – Отрешенно ответил Костя. Отрешенность его была вызвана одной конкретной мыслью. Точнее, мыслью, которой он себя озадачил: «Я не помню дорогу к работе. Смешно, каждый день туда хожу, а если пытаться воспроизвести маршрут у себя в голове, то... смутно понимаю, что находится за моим домом. Лизу беспокоить не буду, мою Елизавету. Она и так, нервная вся».

Утро воскресенья. Костя проснулся, спустился вниз.

Входная дверь приоткрыта, летний ветер развивает шторы. Лизы нигде нет. Костя ожидал увидеть её на крыльце, греющуюся в солнечных лучах, но там её не обнаружил. В смятении выбежав из дома, он начал выкрикивать её имя.

– Я здесь, – донесся фантомный голосок.

Костя побежал на слух, рыская за домом и крича её имя.

– Костя! Я тут!

Голос привел его к лугу, который находился за ближайшей рощей, позади дома. Он её нашел, лежала она совершенно нагая на одном лишь плече.

– Что ты тут делаешь? Почему ты раздета?

– Греюсь!

– Пойдем в дом!

– Никуда я не пойду! Мне нужен свет и солнышко. Оставь пока меня.

Костю поглотило оцепенение: «Вспомнить бы, свойственно это для неё, вот так себя вести. Но боюсь, не помню ничего, кроме того, что люблю её больше всего на свете».

Костя оставил её в покое и направился домой. Дома он взял телефон в руки и посмотрел на дату: «Воскресенье, следует предупредить людей с работы, о том, что мне нездоровиться и в понедельник меня не будет». Открыв список контактов, он замер. Замер, так как не помнил имя того сотрудника с которым работает в одном кабинете. Пытаясь вспомнить черты его лица, воображение рисовало причудливо большие носы и пышные бороды, тонкие губы и огромные

глаза. С ужасом, Костя подскочил и направился к зеркалу, кажется, он должен был убедиться в том, как выглядит сам.

Затылок зудит. Закрыв глаза на мгновение, Костя обнаружил себя за обеденным столом. За окном ночь, напротив сидела она, в том самом платье, мило рассказывала что-то о тёплых странах. Опустив голову, Костя обнаружил на себе рубашку и жилет, правда, как он их надевал, совсем не помнит.

– Костя, а ты не соврал, ты и в правду никуда не пропал. Пропадаем мы оба, – с большой грустью в голосе обратилась Елизавета.

Глядя ей в лицо, не смотря на стремительное забвение, что-то его смутило. Небольшой белый нарост, вырвался из её предплечья. Пытаясь вспомнить из-за всех сил: нормально ли это для людей? Стоит ли ей говорить об этом? Костя ни к чему не пришел, лишь невыносимый зуд разросся, заставляя прилечь и попытаться уснуть.

Вечер неизвестного дня. За кухонным окном мелькнул свет автомобильных фар. Стук в дверь. Костя встал со стула и отвари́л её:

– Здорова, кабы ты – неделю работы пропустил, видать у тебя чего стряслось! – сказал Олег, вытирая ноги о коврик. Увидев, намерение Олега зайти в гости, Костя сказал:

– Вы кто?

– Ты чё Костян?! – сказал Олег и попытался зайти в при-

хожую.

– Костя негодует: «Какое-то недалёкое хамло, пытается ко мне вломиться, так и ещё не представляется», – должно было подумал Константин.

– Вы с работы? Я выходной, – блеет Костя.

– Тебе помочь чем? У тебя всё хорошо? – обеспокоенно спросил Олег.

– Я на выходном буду! – в этот раз прокричал Костя.

– Позови Лизу, где Лиза? Ты накуренный? – сказал Олег и протиснулся сквозь руку Кости в прихожую.

– Лиза! Лиза! Её не видать в офисе, где она? – стал кричать Олег в прихожей.

Костя пришел в бешенство, этот нелицеприятный усатый карлик сует нос ко мне в дом, не представляется. Возможно, именно это подумал Костя, следом сказав: «Карлик!» – взяв Олега за плечи двумя руками и ударив того спиной о стену, взглянул на него и повторил: «Карлик!» После этого, чуть ли не вышвырнут того со ступенек на улицу. Олег сел в машину, сказал «парочку ласковых» напоследок и убрался подальше от злосчастной усадьбы.

Утро какого-то дня, приехали люди в фуражках, спрашивают у него: Где Елизавета Викторовна Воранович? Когда в последний раз видели её?

Был бы он рад сказать, но каждые два, три часа приходится объяснять заново – кто они и зачем сюда явились.

Вечер очередного дня. Сегодня у Кости было просветление, двадцать минут не помутнённого рассудка. Этого хватило лишь, чтобы найти себя в больничной скрипучей кровати, с сине-белым матрасом в полоску.

– Доктор, что со мной?

– Как вас зовут? – спросил молодой доктор.

– Константин Глемсом Валентинович.

– Невероятно, ваше первое просветление за всё это время!

К большому сожалению вынужден сообщить о вашей болезни... у вас расстройство памяти.

– Я хочу домой, дома она...

– Только не говорите ему... – прошептала стоявшая недалеко медсестра.

– Не говорить мне, что? Что-то случилось с Лизой? Где она?

В палате повисло молчание, которое угнетало Константина каждой своей секундой. Молодой врач осмелился его прервать:

– Мы не можем отпустить вас домой, без расписки от родственников.

– Пожалуйста, у меня нет никого, можно ли заплатить врачу, чтобы тот наблюдал за мною дома? Так с моим отцом было – на дому лечился. У меня есть достаточно сбережений, я заплачу!

– Вообще, можно. Но боюсь не здесь, в нашей больнице такое ещё не практиковали.

– Пожалуйста! Можете составить бумаги... я всё подпишу, хочу домой, – договорив, Костя зарыдал.

Очередной неизвестный день. Инстинктивно Костя спустился вниз по лестнице. Прохладный ветер пронизывающий брешь в западной стене старой усадьбы выманил его наружу. Он что-то искал, может быть кого-то. Не зная зачем, он направился за дом, к ближайшей роще. Минув ту, Костя увидел мерцающую берёзу, стоящую отчужденно от других берёз. То была молодая берёзка, она ещё не цвела. Была она белой, без листьев, с хрупким, тоненьким стволом. Ветви её тянулись к солнцу. Подойдя ближе, Костя дотронулся её, та скинула белую, глухую чешую и обнажила свою прозрачную натуру. Замерцала берёза знакомыми, янтарными и местами зелеными оттенками и цветами.